этим юнцам без нотаций, высокомерия, а просто по-человечески, что достойно, а что недостойно? «Сочи. На набережной у самой волны двое. Он с гитарой. Я прислушиваюсь. Что же он поет ей? Про какой-то кичман, какую-то Марусю, и дребезжит в конце гитарный аккорд, сопровождая горький вздох: «Ды-ых, прощай ты, молодость моя...»

Так и хочется подойти, взять в руки гитару и спеть что-то такое, чтобы этот вечер запомнился им на всю жизнь. Но что?

А вот уже не двое, а целых два десятка парней и девушек. Льются над набережной откровеннейшая пошлятина и цинизм. И это та самая гитара, что подымала нас когда-то на подвиги... Остановитесь, мальчишки, над чем смеетесь?

— А что особенного? — как бы слышу я в ответ. — Вы просто устарили, прошлый век. Сейчас все проще, ближе к жизни... И потом это же только шутка...

Я познакомился с этой компанией — и, действительно, ничего страшного. В ней нет тунеядцев. Все работают, учатся, все честно делают свое дело, половина — комсомольцы. А что касается вчерашней песни: «ну так это же Вальса из современного фольклора «выдал».

И вот с этой компанией в качестве попутчика я отправляюсь

пропагандировать надо. Композитор сетует на то, что по радиостанции «Юность» прозвучало несколько соген новых песен, а удачных среди них мало. Так стоит ли умножать «грустный список»?

И вот я с горестью представил себе, что было бы, если бы советы маститого композитора претворить в жизнь. Тогда никто бы не знал удивительную песню «Верховино, мати мо!» которая буквально стала народной и поныне поется повсюду под ту же гитару. Не знали только потому, что ее написал композитор-любитель Машкин. А «Солдатский вальс» Воронова так бы и не вышел за пределы чачки, потому что создал его не композитор, а простой воин. Эти примеры можно было бы множить еще и еще.

Нет, видно, без «грустного списка» неудачных песен обойтись нельзя. Хорошая песня — это, говоря словами поэта, как добыча радия, а отсеб «породы» (или «сырца», по Дзержинскому) здесь неизбежен. И композиторы это знают лучше, чем кто другой. Просто отбирать надо по-строже, а пропагандировать уметь.

Вот почему я полностью поддерживаю композитора М. Табачникова и поэта Л. Ошанина, ратующих за новые студенческие песни, песни туристов, геологов.

...Речь зашла о молодости, гитаре, песне. И очень хотелось бы знать, что же скажет по этому поводу сама молодежь. А уж после этого маститым с высоты своего профессионального опыта, житейской мудрости и знания помочь бы молодым.

И уж если размышлять, то почему бы, скажем, в том же нашем чудесном Киеве горкому комсомола совместно с музыкальными организациями и Союзом композиторов при участии молодежных газет, при содействии Союза писателей и Министерства культуры, не провести летом на открытой эстраде в парке имени Ленинского комсомола этаким конкурсу менестрелей города. А потом, чтобы победители показали себя, свои песни всей Украине по телевизору. Как сразу фигура с гитарой обрела бы целеустремленность, как много талантов вспыхнуло бы на конкурсной эстраде. И на фоне настоящего самодеятельного композиторства и исполнительства какими унылыми и жалкими фигурами почувствовали бы себя отдельные пошляки с гитарами.

И уж думается, что республиканский Дом народного творчества не остался бы глух к такому начинанию и не отложил бы в долгий ящик издание небольшого сборничка с лучшими вещами новоявленных менестрелей.

Тогда и я, и мои коллеги, певцы, очевидно, не захотели бы плестись в хвосте у времени и залучили бы что-то из этих сборников в свой репертуар. А что касается наших друзей-композиторов, то и они, пожалуй, увидев грандиозные размаху нового течения, не пожелали бы оставаться на его обочине. И глядишь, появились бы у нас новые интересные песни для быта, для отдыха, для двоих под луной. И уж если фантазировать дальше, то вовсе не исключена возможность и таких удивительнейших музыкальных соревнований по телевидению, как, скажем, «менестрели» Киева против «менестрелей» Москвы». И думается, что судьями в таких соревнованиях с удовольствием были бы не только (и не столько) маститые профессора консерваторий, а миллионы телевизителей, которым вовсе не безразлично, о чем сегодня поет гитара.

Много, очень много можно сделать интересного, если только не отмахиваться от этой одной фигуры с гитарой — «барда» шестидесятых годов.

Виктор ГОНЧАРЕНКО,
солист Киевской филармонии,
абсолютный чемпион СССР
по планерному спорту

В ОПРОСЫ, поднятые на страницах газеты, взволновали меня до многих причин. Во-первых, я сам певец, работаю в Киевской филармонии. Во-вторых, мне тоже когда-то было двадцать лет и я пел под гитару своим товарищам по эскадрилье «Синий платочек», «В землянке», «Темную ночь» и множество других популярных фронтовых песен. Из собственного опыта я знаю, что песня и гитара способны делать чудеса. В-третьих, по вечерам в соседнем доме часто до полуночи на полную громкость звучат магнитофоны. Из чего только не несется во двор из раскрытых окон...

Я вспоминаю, что первый день войны наша разведывательная эскадрилья встретила на одном из аэродромов под Шепелевкой. Под вечер трудного дня комиссар эскадрильи старший политрук Висягин попросил меня вдруг спеть «что-нибудь». «Да разве сейчас до песен?» — удивился я. Но комиссар попросил (не приказал, а именно попросил):

— А вы спойте, станет легче. Я взял гитару и, перебирая аккорды, запел «В далекий край товарищ улетает...» И тогда я понял, какая удивительная сила запрятана в простой песне.

С коллективом ансамбля песни и пляски мне довелось после окончания войны с Японией объездить весь Сахалин, Курильские острова, Камчатку, Чукотку, побывать в отдаленнейших гарнизонах. Закончив Киевскую консерваторию, я стал профессиональным певцом. И снова мне приходится много ездить.

Вспоминаются разные встречи. Вот одна из комсомольских шахт недалеко от Краснодона. В зале — молодежь. Идет концерт. Слушают внимательно, принимают хорошо. Но вот вваливается небольшая группа молодых людей с гитарой и пристраивается у стены. И все идет насмарку. Они «отпускают» реплики, нарочито смеются...

«Что объявлять?» — тихонько спрашивает конферансье. А я выхожу на авансцену, поближе к молодым людям и говорю:

— Я спою вам песню о ваших отцах, которые умирали с верой, что вы вырастаете настоящими людьми.

Мертвая тишина в зале. Звучит как-то по-новому всем хорошо знакомая песня:

...Спросите вы у тех солдат,
Что под березами лежат,
И вам ответят их сыны,
Хотят ли русские,
Хотят ли русские,
Хотят ли русские войны...

После концерта паренки заходили извиняться: «Да мы так, знаете, делать нечего... нехорошо, конечно... извините».

Да, песня способна вести на бой, поднимать на подвиг, помогать в труде, способна воспитывать. Почему же наши композиторы не всегда учитывают это?

Пришла весна. В Киеве зацвели каштаны. И в чудесных парках, и на Крещатике снова появились парни с гитарами. Так неужели же нам безразлично, что эти парни будут петь? Не надо думать, что все они пошляки. Далеко нет. Просто душа тянется к творчеству, а петь этим менестрелям, прямо скажем, нечего. Вот и вытаскивают они из закоулков памяти на свет божий, что под нетребувательную руку попадется. И попадает, как это часто бывает, и «блатная героика», и «шалманная лирика». Окуджава для них «патриарх», нечто вроде пережившего себя классика. А вот музыкальное хулиганство — это неслыханно, это дерзко, это вызывающе, это «современно». А кто и когда объяснил

Что им петь?

в горы. Здесь я услышал столько неизвестных мне песен, каких в жизни не видал ни в одном сборнике, не встречал ни в одной передаче. Много среди этих песен просто хороших. Еще больше неприятательных песен-прилипалок, с пустым набором слов, вроде пресловутой:

Зацвела сирень в моем садочке,
Ты пришла в сиреневом платочке,
Ты пришла, и я пришел,
И тебе, и мне — хорошо...

Вот и все. И так — десять, а можно и двадцать куплетов. В чем же секрет ее популярности? Да все в том же:

«Проста, как каменный век, легко заломинается, пристаёт к губам, как липучка, думать не надо, а шагать легко. И, кроме того, как ни странно, не запета».

Магнитофонное творчество изобилует такими «смешными пустяками», их тысячи. Видимо, такие песни нужны. А теперь представьте себе, что вы обратились к какому-нибудь композитору с невинной просьбой: напишите, пожалуйста, нам какую-нибудь песню-попевку.

Композитор обидится. Неуважение к жанру, к творчеству... А зря. Дорогие друзья, кто из вас если не в голос, то про себя не напевал во время отпуска про тот же самый «сиреневый платочек»?

Гитара — это тоже оружие. И гитара — это радость. Очень нужный разговор подняла «Литературная газета» о молодости, песне и гитаре.

В высказываниях И. Дзержинского, М. Табачникова, Л. Ошанина много верного, чувствуется боль за любимое дело. Однако, на мой взгляд, дискуссия эта приобретает несколько «профессиональный» характер, становится похожей на очередное заседание в Союзе композиторов, посвященное массовой песне.

Композитора И. Дзержинского настораживают... строки Л. Перверзева «о пропаганде по телевидению и по радио песенного «сырца», хотя бы и наиболее удачного». И напрасно! Лучшее